

С. СОЛОВЬЕВ

Г-н Блок о земледелах, долгобородых арийцах, паре пива, обо мне и о многом другом

В шестом номере «Золотого руна» за 1907 год г. Блок, разбирая новые стихотворные сборники, высказал свое собственное поэтическое *sredo*. Сличая некоторые места из VI главы, где Блок разбирает мою книгу «Цветы и ладан», с некоторыми местами из 1-й главы, где Блок излагает свои общие мысли о поэзии, я усмотрел между этими местами несомненную связь. Единство им придает равная степень озлобления, доводящая критика, обыкновенно весьма кроткого и нежного, до брани дурного тона, до восклицаний вроде: «Ему я посылаю мое презрение от лица проклятой и светлой лирики. Так я хочу»¹.

Против «так я хочу» полемика невозможна. Доказательство можно опровергнуть доказательством, но «так я хочу», пощечина, плевок — неопровержимы, и Блок занял воистину неприступную позицию. Также я ничего не могу возразить против того, что «в тысячах окон качается ситцевая занавеска», против того, что «румяный академик в холщовом сюртучке склоняет седины над грудой переплетенных книг», против того, что «бесстрашный и искушенный мыслитель, ученый, общественный деятель — питаются плодоносными токами лирической стихии»². Все это, хотя чрезмерно торжественно и витиевато, но по крайней мере правдоподобно; но, к сожалению, Блок не ограничивается этими интересными наблюдениями и на двух страницах решает вопросы религии, эстетики, общественности и многие другие, причем от его решения побледнел бы самый *румяный* академик и самый *бесстрашный* ученый утрашился бы «плодоносных токов лирической стихии», грозящих затопить все *груды* книг, не только «непереплетенных», но и переплетенных.

Г-н Блок слышал о христианстве. В своей автобиографии он сообщил, что учился на филологическом факультете. О христианстве писали Мережковский, Вячеслав Иванов, Андрей Белый. Но автор «Балаганчика» расправился с христианством очень скоро, всего на пяти строчках: «но есть легенда, воспаляющая сердца. Она — как проклятое логово, залегающее в полях, в горах и в лесах; и *христиане-арийцы, долгобородые и мирные*, обходят его, крестясь. Они правы. Здесь нечего делать мирной душе, ее «место свято», а это место — «проклятое». Где ты, румяный академик? Приди и скажи: «Почему, г. Блок, именуете Вы долгобородыми арийцев, т. е., напр<имер>, немцев, англичан, французов? и можно ли говорить “христиане-арийцы”, когда все греко-римское язычество создано арийцами и когда христианство выросло на семитической почве и сам Христос был семитом? И неужели же Гёте, Шекспир, Лейбниц — несомненные арийцы — не заслуживают от Вас ничего, кроме презрения? Потрудитесь обосновать Вашу явно семитическую тенденцию». Итак, арийцам — не место в «проклятом логове», где засел «лирик». Блок торжественно предостерегает приближающихся к этому логову: «Люди, берегитесь, не подходите к лирику». Но, вопреки всем ожиданиям, несмотря на ужасные угрозы, прямо выписанные из устарелой романтики и только слегка позолоченные дешевым модернизмом, как: «В ваших руках засверкают тонкие орудия убийства, и в окне вашем лунной ночью закачается тень убийцы. И ваши жены отвергнут вас и, как проклятые жрицы древних религий, пожелают холодных ласк трепетной и кольчатой змеи» (!), «люди» осмелились и подошли, они «приходят и берут». Что же они берут? На это г. Блок отвечает фантазиями, которые, в свою очередь, ужаснут «бесстрашного общественного деятеля». Оказывается, что «на просторных полях русских мужики, бороздя землю плугами, поют великую песню — «Коробейников» Некрасова». Где видел г. Блок, чтобы мужики пели «Коробейников», «бороздя землю плугами»? Нет, г. Блок, если б Вы наблюдали мужиков не из Вашего кабинета, как добрый помещик старого времени, то Вы узнали бы, что мужику не до Ваших «плодоносных токов лирической стихии», когда он, ругая тощую лошаденку и обливаясь потом, пашет землю. Если он и будет петь Ваших «Коробейников», то в праздник, а коли он — мужик дельный, то предпочтет в свободный вечер почитать газетку да поговорить с умным человеком о последнем заседании Государственной Думы или о чем другом, что считает важнее «сладкого бича ритмов». Ох, довольно уже он испытал «сладость» всяких бичей!

Не более утешает и другая бытовая сценка, рассказанная г. Блоком: «Над извилинами русской реки рабочие, обновляющие старый храм с замшелой папертью, — поют “солнце всходит и заходит” Горького». Если эта сцена и правдоподобнее первой, то все же г. Блок совершенно напрасно радуется тому, что обновление храма производится не с соответствующими религиозными помыслами, а под напев пошлой революционной песни, по существу антихудожественной, и во всяком случае не народной³.

Далее г. Блок посылает презрение, от лица «проклятой и светлой лирики» тому, кто «умеет слушать и умеет обратить шумный водопад лирики на колесо, которое движет тяжкие и живые жернова, знает, что все стихийное и великое (?) от века благодетельно и ужасно вместе, знает это и не хочет признаться... Он не задержит стихии. Он будет только маячить над ней, бросая свою уродливую тень на блистательную пену низвергающейся воды, бессильно стараясь перекричать грохот водопада. В облике его мы увидим только искусителя, возмущающего непорочный бег реки». Где подглядел г. Блок своего «искусителя», догадаться трудно. Для нас же несомненно, что тот, кто «не хочет признаться в чем-то» и еще стремится перекричать грохот водопада стихийной жизни, представляет комическую фигуру. Но несомненно и то, что стихийная жизнь, как бы она ни была благодетельна, с лирикой ничего общего не имеет и в ней не нуждается. И если никакой крик не заглушит грохота стихийного водопада (который г. Блок назвал бы «миром явлений», если бы, вместо того чтобы похлопать по плечу «румяного академика», хоть немного бы почитал из его книг и еще не гнался бы за дешевым модернизмом), то единственный звук, заглушающий грохот мира явлений, есть звук лиры, гармония песни, лирика. Если г. Блока интересует вопрос об отношении искусства к стихийной жизни, мы посоветуем ему прочесть III часть сочинения Шопенгауэра «Мир как воля и представление»⁴ и представить свои возражения. Только едва ли идею единства лирики и стихийной жизни можно обосновать на чем-нибудь, кроме «ситцевой занавески, качающейся в тысячах окон». Впрочем, не будем решать вопрос заранее и подождем философской аргументации г. Блока.

Не более доказательно заявление Блока: «Умеющий услышать (голоса стихий?) и не погибнуть — пусть скажет проклятие всякой лирике; он будет прав, ибо он знает, где его сила и где бессилие». По рецепту г. Блока, Гёте и Пушкин неизбежно должны были сказать проклятие всякой лирике, ибо они

слышали голоса стихий острее и тоньше всех лириков, и, однако, как бы посмотрел Веймарский старец на российского декадента, заявившего ему, что он «погиб», если он лирик!

Расправившись со всеми арийцами, христианами, непогибшими лириками, г. Блок принимает себе «в сердце»... Савонароллу⁵. Кланяйся, монах! Г-н Блок прямо заявляет о своем великодушии к тебе: «Вот ему — хлеб, вода и рубище от наших щедрот». Отсюда видно, что «проклятый лирик» действует «не без расчета» и бедному флорентийцу не много перепадет от его «щедрости». Наконец, г. Блок бросает стрелу в «мещан». «Не умеющий слушать, тот мещанин, который оглушен золотухой и бледен от ежедневной работы из-под палки, — вот ему его мещанский обед и мещанская постель. Ему трудно живется, и мы не хотим презирать его: он не виноват в том, что похлебка ему милее золотых снов, что печной горшок дороже звуков сладких и молитв». Аристократизм лорда Байрона не к лицу г. Блоку. Истинный аристократизм — благороден. Байрон в значительной мере в силу своего аристократизма являлся защитником угнетенных и бичом тирании. Глумиться над бедным тружеником за то, что он «оглушен золотухой и бледен от ежедневной работы», снисходительно заявлять, что «мы не хотим презирать его», — как все это аристократично! Нет, г. Блок, хоть Вы однажды на страницах того же «Золотого руна» и обругали графа Алексея Толстого «аристократом, мягкотелым и сантиментальным»⁶, но, право, Вам не мешало бы почаще бывать в настоящем аристократическом обществе, хотя бы для того, чтобы осторожнее судить о «мещанах».

Во II главе Блок особенно настойчиво доказывает, что поэт может быть «хулиганом, подлецом, развратным, кощунствующим атеистом и злым трусом». Не спорю. Далее, приходя в бешенство и как будто отстаивая какие-то свои права: «Поэт совершенно свободен в своем творчестве, и никто не имеет права требовать от него, чтобы зеленые луга нравились ему более, чем публичные дома»⁷. Что с Вами, г. Блок? *De gustibus non est disputandum*⁸.

Затем г. Блок восхваляет Бальмонта и утверждает, что «весь искусы Европы — с Бальмонтом»⁹. Бедная Европа! Как же так? Лейбниц, Шекспир, Гёте... Э! да что тут!

Перехожу теперь к тому, что, собственно, говорит Блок о моей книге. Я не буду возражать Блоку по вопросам техники. Почти все его обвинения ранее высказаны Брюсовым, и я ответил на них в своем месте¹⁰. Умолчу и о тех мотивах, которые побуждают поклонника музыки Вячеслава Иванова находить у ме-

ня «грубые славянизмы» и автору «Балаганчика» возмущаться цинизмом стихов о беременной женщине, заимствованных мной у Немезиана¹¹. Скажу только несколько слов по поводу «мистического града», о котором я упоминаю в предисловии¹² и который прямо «взорвал» г. Блока. «Мысль автора «Цветов и ладана» витает около «града, обещанного религиями». Хотя словом «витает» еще не доказано ровно ничего, однако видно, что тут г. Блок задет и как-то обижен. Очевидно, у певца «Прекрасной Дамы» свои счеты с «Новым Иерусалимом». Но не осилить проблемы — не значит ее преодолеть. Арлекинада «Балаганчика» — не возражение молитвам литургии.

Несостоятельность Блока в роли мистического пророка, рыцаря Мадонны, за последнее время достаточно выяснилась. Не более удачно играет он роль стихийного гения. Как бы отрицательно ни относились мы к пафосу стихийности, мы не можем не преклониться перед такими титанами стихийности, как Микель-Анджело, Эмиль Зола, Лев Толстой. Но что же общего со стихийным титанизмом имеет г. Блок, пересадивший на русскую почву хилые, чахоточные цветы западного декадентства, создатель бесплотных и бескровных призраков в стиле Мориса Дениса и Метерлинка?

Наконец, г. Блок уверен, что он — демонист первого сорта. Но об этом мы поговорим в свое время.

Среди несвязного лепета и бреда, где мысли сочетаются по законам первичных ассоциаций, одна мысль сверкнула как молния: «Так я хочу. Если лирик потеряет этот лозунг и заменит его любым другим, — он перестанет быть лириком». Нет, г. Блок. Лозунг замоскворецкого Тита Титыча не идет лирику. Необходимое условие художественного творчества есть сознание иной высшей воли. Истинный лирик творит «не во имя свое». Это прекрасно сознавал лучший поэт наших дней, заимствовавший вечного огня Гёте и Пушкина, когда писал:

Нам кем-то высшим подвиг дан,
И властно спросит он отчета¹³.

Какой отчет дадите Вы, г. Блок, за Вашу похлебку à la Sainte Vierge?¹⁴ Или Вы залепечете о «румяном академике» и «долгобородых арийцах»?

